

УДК 130.2:008

Трансляционные механизмы культурной коммуникации

В. А. Сидоренко

Сидоренко Владимир Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии, правоведения, социальных и гуманитарных наук, Луганский государственный медицинский университет имени Святителя Луки, philosophy.lsmu@mail.ru

Настоящая статья посвящена проблеме трансляционного противоречия: с одной стороны, получение знаний в готовом виде из антропосферы обеспечивает культурное единство социальной группы, с другой – позволяет внешним факторам манипулировать ее коллективным сознанием и снижает творческий потенциал. Анализируются механизмы, обеспечивающие информационный взаимообмен субъектов культуры, в качестве которых рассматриваются как отдельные индивиды, так и культурные группы. Выделены интегрирующие и дифференцирующие составляющие трансляции культурного знания; описана зависимость трансляционных процессов от личного опыта информантного донора и реципиента. В качестве механизмов, задействованных в коммуникативных процессах, рассматриваются ментальные и поведенческие конструкции, играющие инструментальную и процессуальную роли. Формулируются выводы о разнонаправленности культурного и цивилизационного векторов информационной трансляции, факторах снижения эклектичности и энтропийности культурного знания, взаимосвязи его интегративной и идеологической составляющих, а также роли субъекта и объекта в акте трансляции.

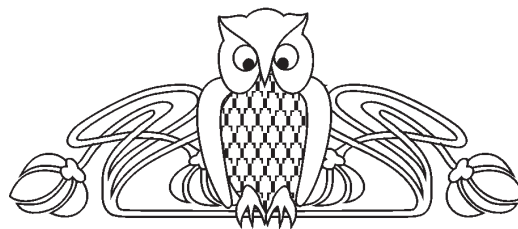
Ключевые слова: культурная идентичность, информационный взаимообмен, субъект и объект трансляции, интегративность, коллективное программирование.

Поступила в редакцию: 17.04.2020 / Принята: 20.05.2020 / Опубликовано: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-284-288>

Информационная трансляция, лежащая в основе процессов культурной коммуникации, обуславливает единый вектор развития социальной общности. Эффективность такой трансляции определяет успешность культурной группы в решении встающих перед ней задач как общеразвивающего, так и прикладного характера. Общность культурных идей служит основой социальной адаптации и в рамках отдельной общности, и в масштабах человечества в целом как крупнейшей из культурных групп. При этом интегративные, адаптационные и коммуникативные механизмы во многом опираются на один и тот же процесс – трансляцию культурного знания.

Положительная направленность культурной деятельности и более неопределенный вектор деятельности цивилизационной анализируются в рамках подхода, характерного для американской философской антропологии (Л. Уайт, Дж. Стюарт, М. Харрис, Дж. Ленски и др.). Европейская традиция не является однозначной в определении исключительно позитивной направленности культурной коммуникации, проводя анализ от общности к индивиду, а не от индивида к общности (К. Леви-Стросс, М. Мосс, Ж.-Г. Тард и др.), а также противопоставляя культурные процессы цивилизационным (Ф. Теннис, О. Шпенглер и др.). Антиэнтропийность рассматривается как одно из основных свойств культуры у Ю. М. Лотмана [1, с. 395], однако синергетический подход к данной проблеме подразумевает не столь однозначную положительную динамику, демонстрируя, что антиэнтропийность культуры повышает уровень энтропии в других общественных системах, провоцируя тем самым разного рода (в том числе и культурно-коммуникационные) кризисы.

Начиная с середины 1980-х гг., в работах таких ученых, как Н. Квинн и К. Стросс, подвергается критике слишком общий подход к процессу трансляции культурной информации как присущему каждому индивиду и являющемуся неотъемлемой частью его социальной жизни. Будучи культурно обусловленными явлениями, большинство информационных структур могут быть присущи только представителям определенной группы людей, ограниченной общей этнической, социальной, политической, религиозной или какой-либо другой принадлежностью [2, с. 140]. Культура в этом случае рассматривается как свойство некоторой общности, отличающей представителей данной общности от представителей других социальных групп. При таком подходе основным направлением анализа информационных структур является выделение их носителей и их разделение на интегрирующие, т. е. способствующие объединению группы, и дезинтегрирующие, направленные на присоединение носителей к другим социальным общностям.

Выделение интегрирующих информационных структур может стать мощным идеологическим средством, причем положительно

ориентированным, поскольку идеология должна быть направлена в первую очередь на объединение нации как социокультурной общности. Результатом отношения к коммуникации как дифференцирующему процессу стало понятие «наложение» (overlap) [3, с. 200]. Оно означает выделение групп, объединенных общими коммуникативными схемами. При анализе наложения как совокупности разделяемых информационных элементов появляется возможность построения коммуникативного поля субъекта. Так, например, определенные коммуникативные процессы отдельно взятого индивида подчиняются схемам, обусловленным христианством как культурным феноменом, что обеспечивает его принадлежность к религиозной группе. Также предположим, что этнической самоидентификацией субъекта является русская, что в свою очередь определяет наличие информационных структур, обусловленных национальной принадлежностью. В результате наложения этих двух детерминирующих факторов получаем отдельную группу христиан+русский, не совпадающую ни с религиозной группой, включающей в себя представителей других национальностей, ни с этнической, члены которой могут иметь разные вероисповедания.

Учитывая количественное множество подобных структур, влияющих на формирование и функционирование информационных элементов, частное поле субъекта будет соответствовать формуле «принадлежность к информационному полю 1» + «принадлежность к информационному полю 2» + «... 3» + «... n» вплоть до формулировки индивидуального информационного поля отдельной взятой личности [4, с. 177–179].

В качестве возражения упомянутым ученым (Н. Квинн, К. Стросс) следует отметить их слишком узкое и произвольное понимание культуры как идентифицирующей характеристики конкретной социальной группы, явно предназначенное для упрощения картины исследования. Однако взаимодействующие субъекты могут представлять как разные культуры, так и одну и ту же, из чего можно сделать вывод о том, что, кроме интеграции и дезинтеграции, коммуникативные схемы должны выполнять функцию первичного распознавания, только в этом случае можно построить отношения интеграции или дистанцирования. Функция идентификации «свой – чужой» лежит вне коммуникативной компетенции информационной структуры, скорее, ее можно обозначить как социокультурную. В этом случае обработка идентифицирующей информации подчиняется законам обработки любых других данных (принципу когнитивной эконо-

мичности, рейтингу прототипичности и др.), что автоматически расширяет понятие культуры за рамки характеристики этносоциальной группы.

Интегративность как свойство информационной структуры должна трактоваться не только как способность к универсализации коммуникативных принципов разных людей, которую можно определить как макроинтегративность, но и как тенденция информационной системы к монолитности, согласованности между различными структурами и их элементами, что можно сформулировать как микроинтегративность. Любой из элементов информационной структуры получает смысл лишь в связи с культурой в целом, несмотря на всю противоречивость культуры как целостного феномена.

Благодаря культурной обусловленности коммуникативная схема предстает не индивидуальным средством решения определенных задач человека, а механизмом применения для этого решения опыта, накопленного человечеством. В пользу данного предположения свидетельствует тот факт, что коммуникативные механизмы усваиваются в процессе обучения, а не являются генетически обусловленными или полученными в качестве врожденных идей. Обучение происходит на основе паттернов, усваиваемых каждым последующим поколением, ведь каждому поколению приходится осваивать культурный опыт заново, а следовательно, данные паттерны являются многократно проверенными и сбалансированными в процессе человеческой эволюции. Формируя коммуникативные схемы на основе этих паттернов, индивид включается в эволюционный процесс, адаптируясь таким образом к общечеловеческому направлению культурного развития.

Существует ряд свойств, характеризующих информационные структуры и позволяющих рассматривать их как отдельные ментальные образования. Основным из таких свойств является культурная обусловленность информационной структуры, ее формирование под влиянием обобщений и систематизации, заимствованных из внешнего мира, и следовательно, возможность существования подобной структуры у других представителей данной общности, причем под общностью может подразумеваться как отдельная культурная группа, так и человечество в целом.

Одной из основных функций коммуникации является трансляция культурного опыта, носящая двусторонний характер. С одной стороны, реципиент получает культурный опыт в структурированном и упорядоченном виде, что значительно повышает эффективность его усвоения и при-

менения. Трансляционный механизм используется человечеством с давних времен, начиная с мифологической эпохи, когда собственно миф был квинтэссенцией определенного фрагмента культурного опыта. Через мифы человек получал онтологические, аксиологические, этические, эстетические, методологические и другие базовые мировоззренческие установки из общечеловеческой культуросферы, аккумулирующей наиболее значимые достижения человеческой деятельности. С другой стороны, субъект – не пассивный реципиент культурной информации. Он создает и обратную связь с культуросферой, поставляя туда собственный опыт, который должен быть проверен и закреплён. Следовательно, коммуникативная связь с общим культурно-опытным массивом является двунаправленной, что обеспечивает взаимообмен информацией и постоянное обновление, проверку и редактирование общечеловеческой культурной базы.

Традиционные идеи и ценности транслируются каждому из носителей культуры через коллективный механизм обработки – коммуникативную систему, которая в свою очередь состоит из коммуникативных схем. Коммуникативная система не является статичной, она развивается в соответствии с изменениями в культуре. Поэтому исследование трансформаций коммуникативной схемы должно дать ответ на вопрос, как информационная система индивида адаптируется к изменяющимся культурным условиям и насколько она подвержена программированию извне.

Примитивные формы коллективного программирования фиксировались еще в эпоху ранней Античности. Например, под мифологическим содержанием бехистунской надписи (датируется приблизительно 515 г. до н.э.) просматривается легитимация захвата персидского престола Дарием I. Пропагандистский эффект достигается в том числе и зрительным путем: над текстом помещен рельеф, изображающий бога Ахура-Мазду, который простирает руку над Дарием, как бы благословляя его на правление. Таким образом, реципиент культурной информации стимулируется к выработке более глубокой системы фильтрации входящих данных, поскольку приходится критически оценивать не только денотативное, очевидное значение транслируемой информации, но и ее коннотативные смыслы, задачи и ценности.

В дальнейшем роль искусства как медиатора трансляции культурного знания лишь возростала. Мощным инструментом коллективного программирования стало распространение в начале XX в. кино, а чуть позже – радио- и телевидения. Эти виды искусства впервые позволили сделать

культурную трансляцию массовой. При этом практически сразу возник вопрос о вычлениении в потоке культурной информации сознательно и преднамеренно искаженной – пропагандистской. В последнем случае социокультурные фильтры реципиента автоматически маркируют входящие данные как возможно недостоверные, вызывая когнитивный диссонанс [5]. Следствием этого становится поиск дополнительных источников информации, способных подтвердить либо опровергнуть предыдущую, и объект трансляции становится все более зависимым от поступлений из культуросферы. Постепенно искаженная информация переходит в категорию «общеизвестных фактов», хотя ее источник изначально малодостоверен.

В XXI в. роль медиатора культурной трансляции принял на себя Интернет. Более того, функция Интернета постепенно становится все более активной, превращая его из медиатора в субъект информационной передачи. Программные агенты, также называемые ботами, могут использоваться для наполнения автоматическими сообщениями и контентом различной сложности социальных сетей и других секций Интернета. Определить принадлежность авторства информационного сообщения программе или человеку сложно, а не разбирающемуся в интернет-технологиях пользователю часто вообще невозможно. Таким образом, в современном мире человек теряет эксклюзивное право на субъектность в процессах формирования культуросферы и собственного мировоззрения. В этой связи отдельного внимания заслуживает теория Э. Хермана и Н. Хомского, представленная в их книге «Производство согласия: политическая экономия средств массовой информации» [6]. Их информационная модель рассматривает средства массовой информации как предприятия, продающие продукт в лице читателей и аудитории (а не информацию) другим предприятиям (рекламодателям). При этом активная роль переходит от субъектов информационного обмена к медиатору. У Хермана и Хомского как англоязычных авторов эта тенденция прослеживается особенно ярко, поскольку одно из значений слова *media* – посредник.

Динамика изменения процессов информационного обмена социально обусловлена производительностью контактов на уровне индивидов и не в меньшей степени – макроуровнем. Класс, народность, религия – каждый по-своему – участвуют в этом процессе. Когнитивная антропология может не только учитывать, но в перспективе и влиять на направленность поиска идентичности группами, что является

одним из практических аспектов исследования теории культурной коммуникации. Мирозрение группы выступает лишь абрисом возможного коммуникативного обобщения, надындивидуальным общественным продуктом, не требующим от информационных структур каждого из членов этой группы стопроцентного соответствия, однако облегчающим решение возникающих задач путем использования удачных решений, выработанных другими участниками внутрикультурной коммуникации.

Персонализация создателя культурной информации – одна из самых сложных проблем в исследовании коммуникативных механизмов. Влияние мирозрения единичного субъекта на информационные процессы культурной группы, а в некоторых случаях и человечества в целом служит ярким примером положительного эффекта противостояния индивида интеграции в культурную среду. Более того, творческие информационные продукты зачастую дезадаптивны и предназначены для выражения индивидуальности, в то время как фундаментально процесс задан иначе: выработка и отбор информационных продуктов большим сообществом требует двустороннего влияния.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать следующие выводы:

1) культурный и цивилизационный векторы информационной трансляции отличаются направленностью (культурная информация имеет однозначно позитивную интенциональность, в то время как цивилизационная более разносторонняя), объемом (цивилизационная информация проходит через систему социокультурных фильтров, значительно сжимаясь в объеме) и структурированностью (рафинированная культурная информация поставляется в максимально готовом к интериоризации и применению виде);

2) культурная трансляция снижает эклектичность и энтропийность антропосферы, выступая в роли синхронизатора коммуникативных про-

цессов в социальных группах вплоть до человечества в целом как крупнейшей из таких групп;

3) интегративные установки культурной трансляции могут использоваться в качестве мощного идеологического средства с характерными для такого подхода преимуществами (способствование социальной адаптации, единый вектор культурного развития) и недостатками (возможность манипуляции индивидуальным и общественным сознанием, опасность формирования в рамках цивилизационного развития деструктивных элементов);

4) в роли субъекта культурной трансляции может выступать не только отдельный индивид, но и антропосфера в целом как хранилище, посредник и система обработки культурной информации на макроуровне, что в некоторой степени восходит к идее Барта о «смерти автора», однако не ставит во главу угла трактовку транслируемых идей реципиентом – субъект и объект трансляции обеспечивают ее симбиотичность и двустороннюю направленность.

Список литературы

1. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб. : Искусство-СПб, 2001. 703 с.
2. Strauss C., Quinn N. Research on Shared Task Solutions // *Cognitive Theory of Cultural Meaning* / ed. by C. Strauss and N. Quinn. Cambridge : Cambridge University Press, 1997. P. 137–188.
3. Holler J., Kendrick K., Casillas M., Levinson S. Turn-Taking in Human Communicative Interaction. *Frontiers Media SA*, 2016. 291 p.
4. Holland D., Quinn N. *Convergent Evidence for a Cultural Model of American Marriage*. Cambridge : Cambridge University Press, 1987. 400 p.
5. Фестингер Л. Теория когнитивного диссонанса. Издательский дом Э, 2018. 340 с.
6. Herman E. S., Chomsky N. *Manufacturing Consent : The Political Consent of the Mass Media*. L. : The Bodley Head, 2010. 408 p.

Образец для цитирования:

Сидоренко В. А. Трансляционные механизмы культурной коммуникации // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2020. Т. 20, вып. 3. С. 284–288. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-284-288>

Translational Mechanisms of Cultural Communication

V. A. Sidorenko

Vladimir A. Sidorenko, <https://orcid.org/0000-0001-7024-4228>, Saint Luka Lugansk State Medical University, 1g 50 Let Oborony Luganska Bl., Lugansk 910045, philosophy.lsmu@mail.ru

The article analyzes the mechanisms providing informational exchange between the subjects of culture considered as individuals and cultural groups. Integrating and differentiating components of the translation of cultural knowledge are distinguished, the dependence of the translational processes on the personal experience of the information donor and recipient is described. Cultural communication also provides a single vector of development for its participants contributing to their more effective adaptation to the

social environment. Mental and behavioral constructions playing instrumental and procedural roles are considered as mechanisms involved in the communication processes. Conclusions are made about different directions of the cultural and civilizational vectors of the information translation, factors for decreasing the eclecticism and entropy of the cultural knowledge, the relationship of its integrative and ideological components, as well as the subject and object's roles in the translational act.

Keywords: cultural activity, informational interchange, subject and object of translation, integrativity, collective programming.

Received: 17.04.2020 / Accepted: 20.05.2020 / Published: 30.09.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Lotman Yu. M. *Semiosfera* [Semiosphere]. St. Petersburg, Iskustvo-SPB Publ., 2001. 703 p. (in Russian).
2. Strauss C., Quinn N. Research on Shared Task Solutions. *Cognitive Theory of Cultural Meaning*, ed. by C. Strauss and N. Quinn. Cambridge, Cambridge University Press, 1997, pp. 137–188.
3. Holler J., Kendrick K., Casillas M., Levinson S. *Turn-Taking in Human Communicative Interaction*. Frontiers Media SA, 2016, 291 p.
4. Holland D., Quinn N. *Convergent Evidence for a Cultural Model of American Marriage*, Cambridge, Cambridge University Press, 1987, 400 p.
5. Festinger L. *A Theory of Cognitive Dissonance*, Stanford, Stanford University Press, 1957. 291 p. (Russ. ed.: Festinger L. *Teoriya kognitivnogo dissonansa*. Izdatel'skiy Dom E Publ., 2018. 340 p.).
6. Herman E. S., Chomsky N. *Manufacturing Consent: The Political Consent of the Mass Media*. London, The Bodley Head, 2010. 408 p.

Cite this article as:

Sidorenko V. A. Translational Mechanisms of Cultural Communication. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 284–288 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2020-20-3-284-288>
